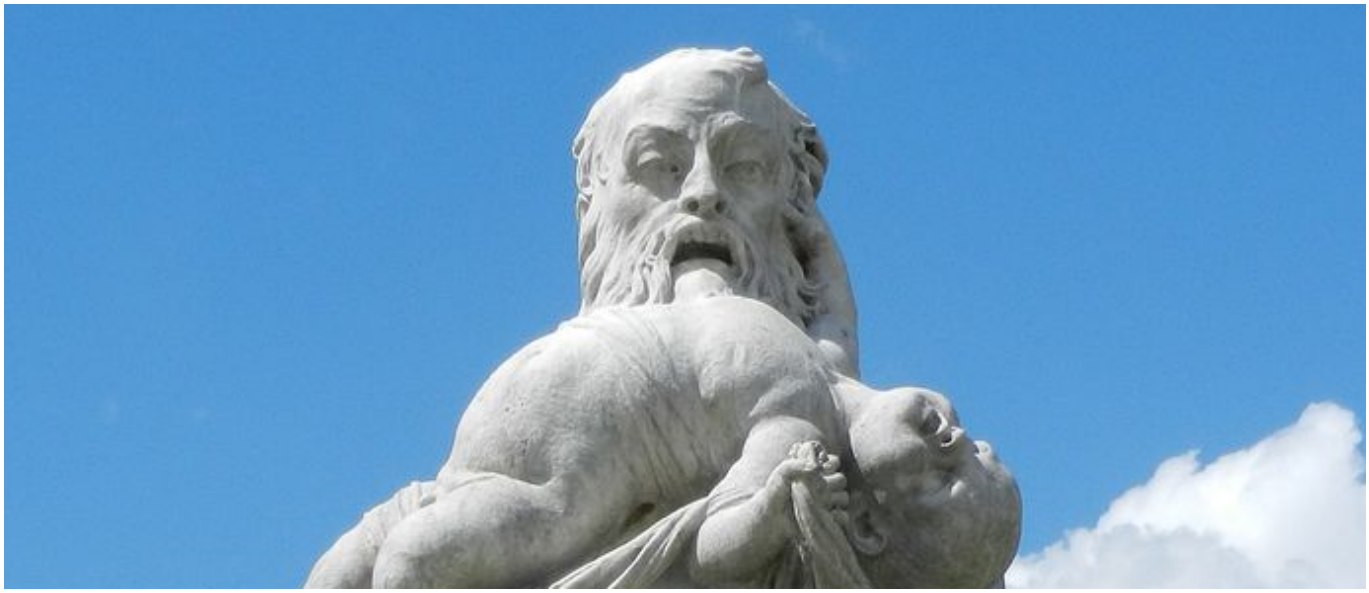
15/03/2019

«ЭЛЛИНОХРИСТИАНСКАЯ КУЛЬТУРА» И ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ



Архимандрит Епифаний (Феодоропулос)
Предисловие переводчика

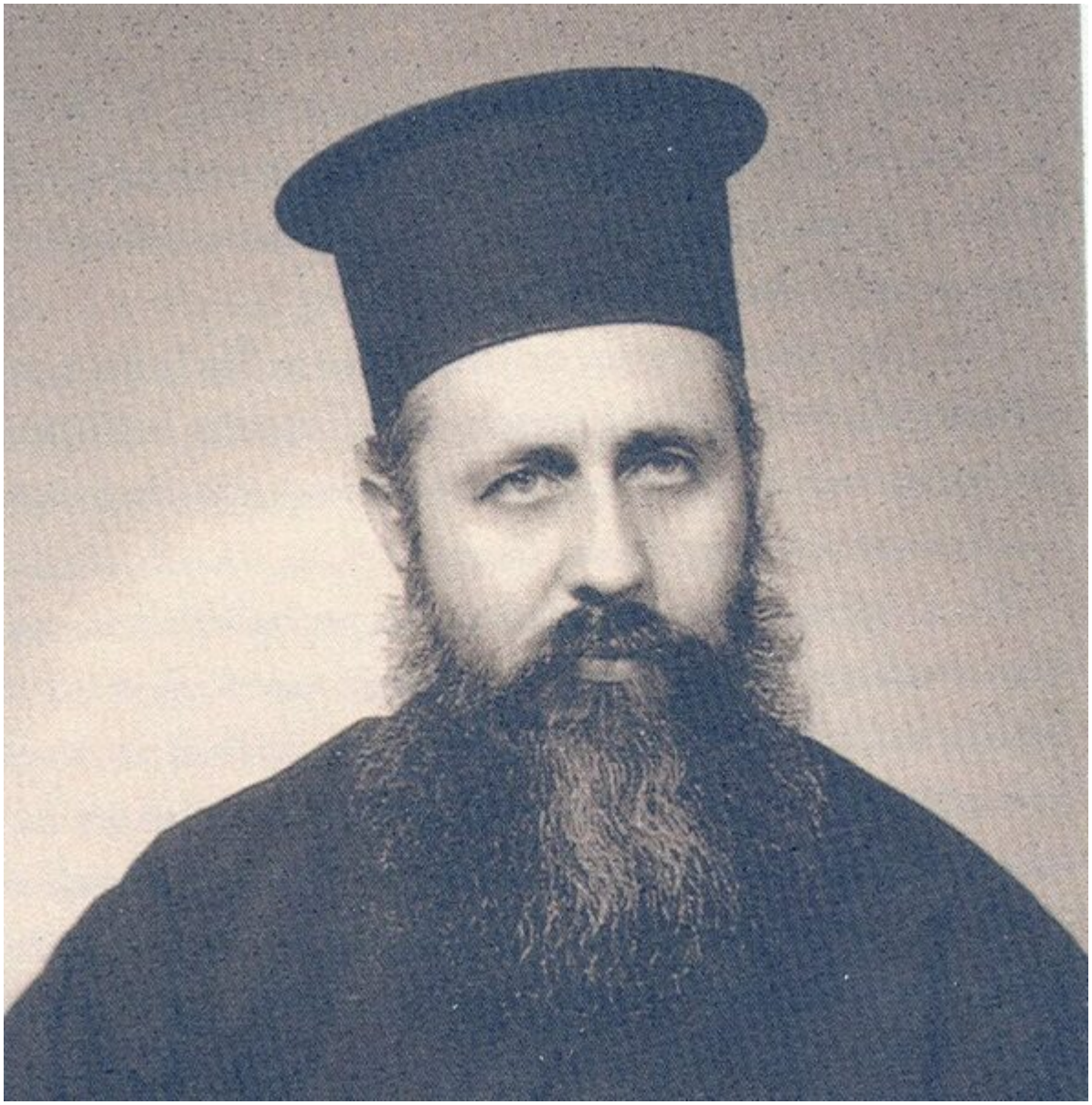
Имя блаженной памяти архимандрита Епифания (Феодоропулоса) сегодня, к счастью, не нуждается в представлении русскому читателю. Духовник, богослов, канонист, церковный писатель – эти стандартные эпитеты не способны отразить и исчерпать той огромной духовной значимости, которую и по сей день имеет личность отца Епифания (которого часто называют Василием Великим XX века), прежде всего, для Элладской Православной Церкви, но также и для всего Православия.

При знакомстве с наследием отца Епифания наше внимание привлек ряд статей, посвященных теме «эллинохристианского синтеза». Не касаясь сейчас вопроса о взаимодействии христианства и эллинизма в общем (породившего огромную литературу), остановимся на одном важном и, как нам представляется, актуальном аспекте, который этот вопрос приобретает в свете последних событий. А именно: нам кажется, что статьи отца Епифания могут пролить свет на образ мыслей греческих иерархов в межцерковных отношениях. Так, Константинопольский патриарх Варфоломей в контексте украинского вопроса заявил, что «наши братья славяне не могут терпеть первенства Вселенского Патриархата и нашей нации в Православии». Оставляя в стороне несправедливость данного упрека по существу, заметим,

что этнофилетическое представление о «первенстве нашей нации в Православии», несомненно, имеет те же корни, что и у авторов концепции «эллинохристианской культуры», а учитывая время написания статьи отца Епифания, вполне вероятно и прямое влияние данной концепции на старшее поколение греческой иерархии. И здесь важно понять, что подобные идеи являются не общим местом в грекоязычных Поместных Церквях (как это часто представляется), но богословским и историческим искажением, с которым полемизировали лучшие представители греческого Православия, такие как отец Епифаний.

Публикуем перевод первой статьи из цикла об «эллинохристианских синтезах», с Божией помощью надеясь впоследствии перевести и остальные на эту важную тему. Оригинал текста помещен в издании: Ἐπιφάνιος (Θεοδωρόπουλος), ἀρχιμ. Ἄρθρα, Μελέται–Ἐπιστολαί. Τ. 1. Ἀθῆναι, 1986 (Ἔκδοσις Β΄).

«Эллинохристианская культура» и Василий Великий



Досточтимый г-н директор!

Передо мной лежит текст уважаемого и дорогого моего учителя г-на Панайотиса И. Брациотиса[1], посвященный защите и прославлению «эллинохристианской культуры» (см. газету «Эллинохристианское воспитание» за март-апрель 1958 г.). Мое смирение, конечно, не обладает и одной тысячной эрудиции г-на профессора и многих других поборников сочетания эллинизма и христианства и слияния эллинских и христианских элементов в некое новое творение («эллинохристианскую культуру»), но это не означает, что я не могу иметь недоумений [на этот счет]. К сожалению, несмотря на все доброе желание, с которым я изучал и изучаю периодически появляющиеся тексты последователей этой теории, я не смог убедиться, что действительно произошло (или что даже было бы возможным) таковое сочетание и слияние.

Как мое смирение, так и многие другие видят между эллинизмом и христианством не сродство и сочетание, но пропасти и бездны. Второе, как мы полагаем, есть отрицание и осуждение сущности первого. Христианство с эллинизмом имеет почти столько же общего, сколько оно имеет общего со всеми народами. И это потому, что некоторые элементы христианства (как, например, богопочитание) являются общечеловеческими. Какое действительное сродство помимо этого мы можем найти между ними? Какой конкретный элемент (существенный, разумеется) христианство приняло от эллинизма? И по какой причине не самодостаточно понятие «христианство», когда христианство имеет в себе и из себя все здравые и хорошие элементы эллинизма (которых ничтожно мало), но вместе с тем имеет и бесконечно многие иные, божественнейшие и превосходнейшие, о которых эллинизм не мог и помыслить? Да простят мне это высказывание, но я считаю, что синтез эллинских и христианских элементов может произойти только через духовную алхимию. Такой синтез кажется мне странным и незаконным, а лучше сказать: такое сочетание кажется противоестественным. Если мы заблуждаемся, то пусть нас вразумят.

Мы слышим апостола Павла, который вопиет: Иудеи требуют чудес, и эллины ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для иудеев – соблазн, а для эллинов – безумие (1 Кор. 1: 22–23), – и боимся смешать мирскую мудрость с единственным спасительным «безумием» Креста. Мы слышим, как он учит, что Бог обратил мудрость мира сего в безумие (1 Кор. 1: 20) и что благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих (1 Кор. 1: 21), – и не можем помыслить, что сочетание этих вещей осуществимо… Конечно, у эллина[2] есть свое место (как и у всякого народа) в христианстве. Но это

место есть место последователя, ученика и смиренного служителя, а не место сотоварища! А если он так или иначе предуготовил почву для распространения христианства, то он принес пользу прежде всего себе, потому что спасся из трясины и возвысился от невообразимого убожества. (Намного более его почву предуготовил иудаизм, откуда и спасение воссияло. Давайте не забывать, в конце концов, что Бог, Которому мы сегодня поклоняемся, не есть бог (читай боги) Гомера и Гесиода, Платона и Аристотеля, но Бог Авраама, и Исаака, и Иакова и семени их праведного...). Если он передал христианство другим, то отдал этим долг, а не предоставил услугу. (Ведь ему самому кто передал христианство? Не иудей ли Павел? Почему мы видим только служение эллинов?). Если, наконец, христианство писало на греческом языке, который нашло распространенным, то это порождает для эллинов долг и обязанность, а не предоставляет привилегии!..

Мой уважаемый учитель считает, что невестоводителями и тайноводцами сочетания эллинского и христианского духа стали великие отцы и особенно святитель Василий Великий. Василий Великий!.. Сомневаюсь, что кто-нибудь другой (после апостола Павла) столь резко отверг и столь строго осудил эллинскую и в общем мирскую мудрость, как этот кесарийский отец. Я говорю это, потому что видел многих из отцов, которые пренебрегали и отвергали эту мудрость, но ни одного, который бы плакал и сокрушался о времени, которое потратил на ее изучение!..

Но прежде чем нам услышать плач этого святого отца, необходимо подчеркнуть одну деталь великой важности: эллинская мудрость, принимаемая сама по себе (то есть без всякого сравнения с Евангелием), достойна чести, а иногда и восхищения. У нее есть некая ценность и польза, каковые есть у луны и звезд ночью, когда нет солнца. Но как при рассвете дня и явлении солнца луна и звезды совершенно исчезают, так и перед незаходимым и невечерним Солнцем Истины, Христом Спасителем, эллинская мудрость, как и всякая человеческая мудрость, оказывается бездонной глупостью. Стали безумными теперь уже, как мы поем в акафисте, искусные совопросники, а с ними увяли творцы мифов. Философы оказались немудрыми, а искусные в слове обличены как бессловесные. Разорвались сплетения афинских мудрецов и риторов, и только сети галилейских рыбаков не остались пустыми[3]...

Итак, всякий раз, когда мы видим, что отцы благосклонны к эллинской мудрости и видят в ней некую пользу, они принимают ее саму по себе. Что греческая мудрость, рассматриваемая сама по себе, обладает некой

ценностью – это несомненно. Есть ли, однако, в творениях кого-либо из великих отцов место, где она похваляется, рассматриваемая в сравнении с христианством? Имеется такое место у отцов, в котором говорится о возможном сочетании эллинского и христианского духа, возможном слиянии эллинских и христианских элементов? Всякий раз, как отцы видят эллинскую мудрость в сопоставлении и сравнении с христианством, они не сплетают ей венцы, но бичи, они находят ее не мудростью, но безумием и глупостью, они уготовляют ей не троны рядом или хотя бы под троном христианства (как делаем мы через «эллинохристианские» синтезы), но рвы, в которые и низвергают ее как тщетную и бесполезную.

Однако пусть завершит слово великого Василия. Этот его текст имеет совершенно особенное значение, так как является не каким-то простым теоретическим учением, но глубокой и в высшей степени трогательной исповедью собственной души.

«Много времени потратил я на суету и всю почти юность свою потерял в суетном труде, с каким упражнялся в том, чтобы уразуметь уроки мудрости, обращенной Богом в юродство; когда же наконец, как бы восстав из глубокого сна, обратил взор к чудному свету истины евангельской и увидел бесполезность мудрости князей века сего престающих (1 Кор. 2: 6), тогда, пролив много слез о жалкой жизни своей, пожелал я, чтобы дано мне было руководство к церковному изучению догматов благочестия. И прежде всего предметом моего попечения было произвести некоторое исправление в нраве, развращенном долговременным обращением с людьми дурными…» (PG. 32. Col. 824)[4].

Полагаем, комментарии к столь ясному, столь светлому и столь категоричному тексту излишни.

С большим почтением и теплой благодарностью,

Архимандрит Епифаний (Феодоропулос)
Перевел с новогреческого Михаил Вишняк

Газета «ΟΙ ΤΡΕΙΣ ΙΕΡΑΡΧΑΙ» (Три иерарха). 1958. Май

https://pravoslavie.ru/119874.html